

эпоху не чисто видовой, но и лексической, словообразовательной, в эпоху до возникновения второй корреляции вообще не должна рассматриваться как видовая в смысле славянских видов. Это корреляция предельности и неопределенности, представленная и в неславянских языках. Только с появлением корреляций второго типа можно говорить о совершенном и несовершенном виде, так как «совершенство» и «несовершенство», т. е. целостный и нецелостный взгляд на действие предполагают возможность двойного взгляда на одно и то же действие (например, действие падения), а не на два разных действия (как в случае *сесть—сидеть*). Пока речь идет о разных действиях, пока видовые различия не эмансипировались, хотя бы в какой-то части глагольной лексики, от лексических различий, нет совершенного и несовершенного вида, а есть, в лучшем случае, их исторические предшественники — предельность и неопределенность.

Таким же образом, как уже отмечено выше, и префиксация сама по себе, без ее дополнения «деривацией», т. е. образованием так называемых «iterativa», вряд ли могла бы рассматриваться как процесс, ведущий к образованию глаголов совершенного вида. Короче говоря, и по отношению к бесприставочным, и по отношению к приставочным глаголам дело обстоит так, что только создание производных глаголов несовершенного вида знаменует собою переход от предельности — неопределенности к совершенному и несовершенному виду. Если это правильно, то движущей причиной возникновения вида явилась не «потребность понимать некоторые действия как целостные», а «потребность представить предельное действие в процессе его развертывания (или повторения)». Целостное и нецелостное понимание действия выступают не как причина, а как результат развития вида, как тот итог, к которому приходит глагольная система славянских языков, создавая грамматическую категорию совершенного и несовершенного вида.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что книга А. Достала — выдающееся, незаурядное явление в славянском языкознании последних лет. Сделанные здесь замечания несколько не умаляют крупных достоинств этого капитального труда. Значение его выходит за рамки учения о славянском глагольном виде, и нет сомнения, что каждый славист найдет в этой работе еще очень много интересного и нового материала, в частности по вопросам глагольного словообразования, продуктивности отдельных морфологических типов глагола, синтаксического употребления времен, наклонений и именных форм глагола, много ценного материала для характеристики глагольной лексики отдельных старославянских памятников и т. д. Большую практическую ценность для последующих исследований имеют приводимые автором полные списки глаголов (а для многих глаголов — полные списки всех засвидетельствованных случаев их употребления), полные списки всех засвидетельствованных случаев употребления отдельных времен (например, перфекта со вспомогательным глаголом и без вспомогательного глагола на стр. 603—607) и т. д. и многочисленные статистические подсчеты автора. Во многих отношениях книга А. Достала — хотя автор и не ставил себе этой цели — может служить исчерпывающим и надежным справочником по старославянскому глаголу.

Ю. С. Маслов

О «НОВОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ ФРАНЦИИ»

(Сравнительно с атласом Жильерона)

«Новый лингвистический атлас Франции» является важным этапом в развитии зарубежной лингвистической географии. Этот атлас по сравнению с атласом Ж. Жильерона имеет ряд преимуществ, что свидетельствует о дальнейшем развитии диалектологии французского языка. Тем не менее и «Новый лингвистический атлас» в своей основе связан с традициями школы Жильерона. Последняя до сих пор оказывает большое влияние на зарубежную лингвистику, несмотря на то, что в наши дни зарубежные диалектологи начинают отходить от этой школы: например, обращает на себя внимание тот факт, что во французской диалектологии намечается даже признание диалекта, как целостного единства (см. последние работы Л. Ремакля, М. Валькофа, Ш. Госсена).

Теоретическая позиция составителей «Нового лингвистического атласа», связанных со школой Жильерона, но в отдельных вопросах отходящих от этой школы, вырисовывается особенно отчетливо, если сопоставить ее с исходными позициями, на

основе которых в Советском Союзе создаются «Атласы русских народных говоров»¹, первые тома которых в ближайшее время увидят свет.

Советские диалектологи рассматривают диалект как реальную языковую единицу, обусловленную историческим развитием соответствующей области, т. е. стоят на позиции, прямо противоположной взглядам Жильерона, как известно, отрицавшего диалекты. Поэтому ниже, при анализе отдельных наиболее важных положений, мы считаем целесообразным упомянуть и о некоторых принципах построения «Атласа русских народных говоров».

Перед тем как перейти к характеристике построения «Нового лингвистического атласа Франции», остановимся кратко на истории его создания. После появления лингвистического атласа Франции, составленного Ж. Жильероном и Э. Эдмоном², не прекращалось изучение отдельных диалектов и говоров Франции учениками и последователями Жильерона. Точнее было бы сказать, что научное изучение диалектов Франции только началось после издания этого атласа. Так, А. Доза изучает Овернь, Г. Мийардэ — Ланды, А. Менье — Ниверне, Ш. Брюно — Арденны, Л. Террашэ — Ангу-муа, П. Ле Ру — Нижнюю Бретань, О. Блок — южные Вогеазы.

Материалы лингвистической географии оказались неисчерпаемым источником для изучения самых разнообразных сторон строя французского языка. Столь активная работа, проводившаяся по изучению говоров Франции, побудила А. Доза к объединению и координации усилий диалектологов всей страны для создания нового лингвистического атласа Франции. В этом атласе материалы по каждому району картографируются отдельно, в связи с чем получат более полное выражение своеобразие лингвистического материала отдельных областей; тем не менее эти региональные атласы строятся более или менее однородно в отношении вопросника, транскрипции и т. д.

В 1939 г. Доза впервые сообщает широкому кругу читателей о своем плане организации и издания нового атласа Франции³. Суть этого плана сводится к следующему: новый лингвистический атлас строится по принципу региональности, т. е. в отдельности изучаются диалекты каждого района, представляющего лингвистически более или менее единое целое («une unité linguistique approximative»⁴) — атлас Шампани, атлас Нормандии и т. д. Отсюда и полное название атласа — «Nouvel atlas linguistique de la France par régions» (NALF). Границы районов определяются по старым политическим и церковным границам Франции (до 1789 г.). Координация работы над атласами осуществляется в Парижском университете; составление каждого атласа поручается соответствующему университету. Так, Лилльский университет в лице Р. Лорио руководит составлением атласа Пикардии, Каннский университет в лице Ф. Лешантера руководит составлением атласа Нормандии, Реннский университет в лице Ж. Пиньона и Г. Массиньона руководит составлением атласа по Западной Франции, Бордоский университет в лице Ж. Сеги, Т. Лалана и Бузэ руководит составлением атласа Гаскони и т. д., Доза заново исследует южную Овернь; составлением атласа Эльзас-Лотарингии занят известный диалектолог Л. Террашэ, автор работ по Ангумуа; атлас Корсики составляет Арриги. Региональное построение Нового атласа выгодно отличается его от атласа Жильерона и в том отношении, что открывает большие возможности для ознакомления с бытом, языком и населением того или иного района. Если для атласа Жильерона один Э. Эдмон в течение четырех лет обследовал всю предназначенную для изучения территорию Франции, то в настоящее время десятки, если не сотни исследователей заняты этой работой в течение десятилетий.

Региональное построение лингвистических атласов может быть различным. При построении изучаемого атласа, как было указано выше, в основу деления на районы кладут историко-лингвистический принцип. Помимо этого принципа, для членения атласа могли бы быть применены и другие — этнографический, административный и т. д., но все они имеют еще большие недостатки⁵. Осуществление историко-лингвистического принципа оказывается весьма сложным, так как границы старых говоров, также

¹ Основные установки составителей этих атласов уже были охарактеризованы в печати. См., например: «Программа собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», М., изд. МГУ, 1946 (сопроводительные статьи); Р. И. А в а н е с о в, Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2; е г о ж е, Лингвистическая география и история русского языка, ВЛ, 1952, № 6.

² J. Gilliéron et E. Edmont, Atlas linguistique de la France, Paris, Champion, 1902—1910 (сокращенно ALF).

³ A. Dauzat, Un nouvel atlas linguistique de la France, «Le français moderne», 1939, № 2.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ Подробнее см.: «Программа собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», М., изд. МГУ, 1946, стр. 79—82 (раздел «Принципы членения атласа»).

как и политические границы, не были одинаковыми в разные периоды истории языка. Кроме того, упускается из вида, что одна из основных задач атласа заключается именно в установлении границ говоров: априорные данные, которыми часто приходится пользоваться, далеко не всегда оказываются достаточно точными. В этой связи укажем, что «Атлас русских народных говоров» также строится по принципу региональности, но, в отличие от «Нового лингвистического атласа Франции», в русском атласе районы устанавливаются только по их лингвистической ценности, а именно — избираются области, где сходятся границы разных говоров или разных явлений. Смысл такого членения заключается в том, что каждый из атласов дает в этом случае больше материала для решения определенного круга вопросов, поскольку удается изучить значительно больше изоглосс. При этом учитывается, что внимание диалектолога привлекает не сходство диалектов, а диалектные различия, которых, разумеется, в пограничных зонах больше. Более того, если в «Атласе русских народных говоров» материал по какому-либо явлению оказывается однородным на всей карте и изоглосса отсутствует, то диалектологи считают, что карта «не получилась», и помещают полевой материал в комментариях к карте.

Жильерон, как известно, исследовал только романскую территорию Франции, оставив в стороне нероманскую часть — Бретань, Фландрию и другие районы. В Новом атласе Франции будет представлена вся Франция: так, баскский район поручен Г. Гавелю, Бретань будет представлена атласом Ле Ру (в 1924 г. вышел первый выпуск, в 1937 г. — третий).

Сеть исследуемых точек по сравнению с атласом Жильерона в Новом атласе примерно втрое гуще; обследуются и те места, в которых в свое время побывал Эдмон. Вопросник составлен вновь, но в основу его все же положен вопросник Жильерона; для всей Франции имеется один общий вопросник и, кроме того, отдельные для каждой области Франции. Лингвистические атласы предположительно будут сопровождаться картами по истории данной области — картами аббатств и диоцезов, а также картами расположения замков. Работа ведется совместно с этнографами и фольклористами.

Согласно упомянутой программе, претерпевшей лишь незначительные изменения после ее опубликования, велась и продолжает вестись большая работа по составлению областных атласов (см. отчеты и отдельные заметки, непрерывно появляющиеся в журнале «Le français moderne»). Первый атлас, увидевший свет, — это атлас Лионской области¹. В 1953 г. вышел первый том атласа Валлонии²; в 1954 г. появляется атлас Гаскони³. Следует отметить, что Лионский атлас создавался в основном без непосредственного руководства Доза. Инициатива создания этого атласа и его организация принадлежат крупному диалектологу П. Гардету. Тем не менее, как следует из рецензии Доза⁴, Гардет и другие составители атласа согласовывали с Доза транскрипцию и многие существенные вопросы построения атласа. Ниже мы остановимся подробнее на характеристике только этого атласа.¹

Атлас Лионской области охватывает небольшую часть восточной Франции: департаменты Луара и Рона и незначительные части прилегающих департаментов — Сона и Луара, Эн, Изер, Дром, Ардеш, Верхний Луара, Пюи де Дом. Эта область (например, Форэ, Брес, Божолэ) уже давно привлекала внимание исследователей, в том числе и авторов Нового атласа, поскольку здесь сходятся границы французского и провансальского языков, а также франко-провансальских говоров. Так, в районе Макона, находящемся на самом севере изучаемой области, наблюдаются литературные формы французского языка (либо формы бургундского диалекта). Например, в карте 99 *vanner*: в районе Макона находим *vane*, в то время как в южной части исследуемой области распространены провансальские формы *vêta*, *vâta*. Аналогичный пример в карте 270 *peler* (les pommes de terre): на севере — *ploeme*, на юге — *plymo*. В карте 272 *une rare*: в районе Макона и севернее значительно распространена форма *rev*,

¹ «Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais», par P. Gardette, avec la collaboration de P. Durdilly, S. Escoffier, H. Girodet, M. Gonon, A.—M. Vurpas-Gaillard, publié avec le concours du Centre national de la Recherche scientifique par l'Institut de linguistique romane des Facultés catholiques de Lyon: vol. I — 1950; vol. II — 1952; vol. III — в печати (сокращенно ALL).

² «Atlas linguistique de la Wallonie. Tableau géographique des parlers de la Belgique romane d'après l'enquête de Jean Haust et des enquêtes complémentaires». T. I — «Introduction générale. Aspects phonétiques (Cartes Ia — 100)», par Louis Remacle. Liège, Imprimerie H. Vaillant-Carmanne, 1953 (сокращенно ALW).

³ «Atlas linguistique et ethnographique de la Gascogne», par Jean Séguy, Toulouse, 1954.

⁴ «Le français moderne». 1951, № 3.

нормально развившаяся по законам исторической фонетики французского языка из лат. *gara*, в то время как южнее наблюдается форма *gava* и даже *gaba* с типичным для провансальского языка интервокальным -b- (как известно, в провансальском глухие интервокальные становятся звонкими)¹. Аналогичное распространение явлений наблюдаем на картах 21, 43, 60 и других.

Всего на территории, картографированной в атласе Гардета, обследовано 75 мест, в то время как в атласе Жильерона на соответствующей территории охвачено примерно 25 населенных мест, из которых некоторые совпадают: четыре — в деп. Луара, два в деп. Рона и по одному в деп. Пюи де Дом, Ардеш, Изер, Эн. Остальные населенные пункты, представленные в атласе Жильерона, в наши дни оказались мало интересными для обследования, так как это в основном большие поселки, которые за 50 лет, прошедших после обследования их Эдмоном, из сельскохозяйственных стали рабочими и потеряли свой местный говор².

Более густая сеть атласа Гардета, да и всего атласа в целом, создает ему значительные преимущества перед атласом Жильерона: 1. Оказывается возможным выявить большее количество диалектных особенностей и тем самым найти больше синонимов, а также фонетических и семантических оттенков слова. Так, например, у Жильерона в департаменте Рона для обозначения водки встречается лишь литературное *o d vi*, в то время как у Гардета в этом же департаменте наряду с *l'eau de vie* имеем: *l'odevej, lo mor, la mar, lo mar, la gut, la blats, la blas, la pol, la pola* (карта 214). Значительное количество синонимов находим также и для обозначения сосуда для питья воды в поле — *cruche, dita, flosko, buteille, barle, bitsa, budzo, bërta, pinta* и др. (карта 218). 2. Устранилась отрицательная особенность, наблюдаемая в атласе Жильерона, где из-за редкой сети опорных пунктов засвидетельствованная диалектная форма нередко является как бы оторванным островком среди литературных форм, в то время как в атласе Гардета выявляются промежуточные диалектные формы и тем самым точнее определяется зона распространения того или иного явления.

Во всем «Новом лингвистическом атласе Франции», как и у Жильерона, принята транскрипция Русло, как наиболее распространенная во французских работах по диалектологии³. Имеются лишь небольшие и принципиальные различия в транскрипции атласов: в атласе Гардета долгота и краткость гласных обозначаются не всегда, а лишь в случаях значительного расхождения с литературным языком; так же и ударение ставится лишь в случае его смещения по сравнению с литературным языком, в то время как в атласе Жильерона ударение обозначено в каждом слове. Наблюдаются некоторые расхождения и в обозначении вариантов фонемы *r*. Не всегда совпадают переписания и условные обозначения: так, точка с запятой у Гардета разделяет морфологические различия (единственное и множественное число, мужской и женский род, разные глагольные формы), в то время как у Жильерона эти различия не разделены никаким знаком (*blanc blanche* или *abeille abeilles*). Разный смысл имеет условное обозначение +, которое в рассматриваемом атласе обозначает отсутствие понятия, а у Жильерона — оттенки значений, оговоренные в легенде карты. По-разному оформляются грамматические пометы: у Жильерона — *m. f. s. p.*, в то время как в атласе Гардета даны формы артикля, что открывает возможность проследить и состав этих форм как таковых.

Перечисленные небольшие различия отнюдь не затрудняют чтение и сравнение карт двух атласов, а отсутствие в атласе Гардета регулярного обозначения долгот и краткостей, а также динамического ударения лишь несколько разгружает транскрипцию.

Вопросник, которым пользуется Гардет, весьма близок к вопроснику Жильерона и представляет собой существенный недостаток последнего, как узость и односторонность тематики. Судя по двум томам Лионского атласа (весь вопросник пока еще не опубликован), он, однако, подвергся значительным уточнениям, особенно в отношении ряда терминов. Так, в атласе Гардета дифференцированы вопросы о названиях большой и маленькой пилы, в связи с чем удалось составить две особых карты (см. карты 229 и 238). Аналогично для обозначения понятия *aiguillon* у Жильерона имеется одна карта (1426), в то время как у Гардета ей соответствуют две — *le grand aiguillon* и *le petit aiguillon* (карты 124 и 126); для обозначения понятия *bèche* у Жильерона имеется одна карта (1763), у Гардета две — *la bèche à dents* (159) и *la bèche pleine* (158).

¹ Французское литературное *rave* с *a* в открытом слоге под ударением заимствовано из провансальского языка, где *a* в этой позиции сохраняется.

² P. Gardette, L'Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais, «Le français moderne», 1951, № 1, стр. 18.

³ Поскольку эта транскрипция в советских работах не принята, мы пользовались международной транскрипцией. О соотношении транскрипции Русло с международной и другими транскрипциями см. Л. В. Щербач, Фонетика французского языка, М., 1953, стр. 26. При переводе в другую транскрипцию мы иногда не учитывали некоторые несущественные для нас детали (ударение, степень открытости гласных и т. д.).

Как и у Жильерона, у Гардета вопрос о том или ином слове часто задается в контексте — не просто *tronc, a je me suis assis sous un arbre, appuyé contre le tronc* (карта 238) или *il ne fait que se souler* — для глагола *se souler* (карта 223). Но иногда в вопросе этого атласа сложный контекст отсутствует, так как перевод фразы в целом часто настолько затруднял опрашиваемое лицо, что оно начинало употреблять литературные формы вместо диалектных, как это иногда было при подготовке атласа Жильерона¹.

Таким образом, построение вопросника «Нового лингвистического атласа» лишь в частности отличается от вопросника атласа Жильерона. Собрание сведений о говорах в виде записи отдельных слов приводит к тому, что сопоставление отдельных слов на картах идет одновременно по разным признакам: картографируются не только разные названия предметов, но одновременно и отличительные особенности звучания одних и тех же слов (фонетика), их словообразовательные признаки и характер флексии (морфология) и т. д.

Подобный принцип собирания и картографирования диалектных данных не является единственным в современной лингвистической географии. Так, в «Атласе русских народных говоров» наблюдаем последовательное разграничение таких аспектов языка, как лексика, фонетика, морфология и синтаксис. При построении вопроса по фонетике здесь, например, подбирается целая группа слов, в которых встречается данное явление: слова эти, кроме того, группируются в зависимости от позиций, в которых наиболее ощутительно сказываются закономерности изучаемого явления². Выделяются и особо картографируются слова, звучание или морфологические особенности которых присущи только данным отдельным словам и не связаны с особенностями фонетического или морфологического строя; на лексических картах преимущественно картографируются разные названия одних и тех же предметов или разные значения одних и тех же слов.

Если у Жильерона карты следуют в алфавитном порядке, то в атласе Гардета они сгруппированы по темам, соответствующим разным сторонам быта и производственной деятельности.

В последнем (третьем) томе будут приведены также материалы, посвященные морфологии данной области (Ср. распределение карт по темам в атласе Юда и Йерберга.³)

Значительно интереснее и полнее оформлены в рассматриваемом атласе легенды карт; и здесь Гардет следует традиции атласа Юда и Йерберга. Так, в легендах карт атласа Жильерона нет объяснений трудных и специальных терминов, перевод которых иногда невозможно найти в общих словарях. В отличие от Жильерона в атласе Гардета дается подробное объяснение почти каждого слова, часто сопровождаемое схематическими рисунками. Иногда объясняются даже и самые обычные слова. Ср., например, карту 253, посвященную слову *le jardin* — *C'est non loin de la maison, un bon terrain, bien fumé, clos d'un mur ou d'une barrière. On y sème les petits légumes: ail, petit pois, poireaux, haricots, racines, et quelque pommes de terre pour les besoins du ménage. Parfois on y plante quelques fraisiers et quelques groseilles*. Такое объяснение уточняет и раскрывает семантику слова. Атлас Гардета является, таким образом, одновременно как бы и толковым словарем данной местности.

Часто вопросы атласа Франции Жильерона, атласа Италии и южной Швейцарии Юда и Йерберга и Лионского атласа совпадают (полностью или в отношении корней слов, которым посвящен тот или иной вопрос). В таких случаях в легендах карт изучаемого атласа указывается соответствующая карта атласа Жильерона, а также атласа Юда и Йерберга.

Известный интерес представляют и дополнения к картам, напечатанные на полях отдельных карт⁴. Тут иногда публикуются попутно собранные сведения, не имеющие непосредственного отношения к данной карте. Так, например, на полях карты 270 *peler les pommes de terre* даются слова *tiri, tire, arasi, rafe*, связанные с понятием *arracher les pommes de terre*. В других случаях сообщаются пословицы, связанные с картографируемым словом; см. карту 260 *le charançon du haricot* «долгоносик»; в пункте 48 приводится пословица *jamais le charançon n'a mangé sa mère*, а в пункте 39 *le charançon n'a jamais mangé le germe* — обе пословицы означают, что поврежденное вредителем растение тем не менее продолжает жить.

Чтобы облегчить понимание причин изменений тех или иных слов, в легенде карты часто рассказывается о соответствующих изменениях в жизни данной области. Так,

¹ См. P. G a r d e t t e, L'Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais, стр. 13.

² Ср. «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., изд. АН СССР, 1947), стр. [17]—[26] (вопросы 3—9, посвященные системе предупредительного вокализма).

³ K. J a b e r g und J. J u d, Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz, Bd. I—VIII, Zolingen, 1929—1940.

⁴ К сожалению, во втором томе атласа Лионской области эти дополнения из-за экономии места значительно сокращены (см. предисловие ко второму тому).

например, в отдельных местах исчезает такое название профессии, как *les scieurs de long* «мастера по продольной распилке дерева», что связано с исчезновением данного ремесла. Словом *vendangeur* «сборщики винограда» (карта 205) в Божолэ раньше называли сборщиков, приглашенных со стороны. Теперь для сбора винограда в данной местности хватает собственной рабочей силы; однако, собирая виноград, в шутку продолжают называть друг друга *les vendangeurs*.

Исчезают диалектные слова, соответствующие литературным *un âne, une ânesse* (карта 312), или употребляется одно слово для обозначения и осла, и ослицы; это связано с тем, что этих животных, которые раньше были основной тягловой силой, теперь почти не держат.

Интересны случаи, когда в дополнениях к карте даются семантические оттенки того или иного слова, связанные с разным морфологическим или семантическим оформлением его. Так, например, в карте 222 *vider une bouteille* глагол *vouïse* означает «опустошить бутылку быстрым и резким движением», в то время как тот же глагол, но с другим окончанием инфинитива *vouïsi* приобретает значение «переливать в другой сосуд». Или, например, в карте 278 *un veau, des veaux* слова *bojo, bodi* употребляются с оттенком шутливости, слова *bojô, bodô, bwôdo* принадлежат языку детей, *bydi* обозначает «теленка 2—3 месяцев», а *boze* — «теленка 5—6 месяцев».

Часто в легенде даются уточнения, необходимые для понимания синонимов. Так, в карте 217 *le tonneau de moins de 100 litres* слово *le baril* обозначает «небольшая бочка» (без более точных данных об ее размерах), *le quartau* обозначают «бочка на 50 литров», *le caquillon* — «бочка на 10—20—30 литров». Или в карте 277 *une génisse* слово *tyri* обозначает «беременная корова», *byjeta* имеет ласкательный оттенок, *boja* и *byjeta* применяются к телке независимо от возраста.

Иногда эти дополнения настолько пространны, что являются как бы небольшими самостоятельными этюдами по семантике исследуемого слова. Так, например, из дополнений к карте 279 *la vache a de belles cornes*, где исследуется слово *belle, de belles cornes* в первую очередь обозначает «большие, крепкие рога», значение «красивые рога» — вторичное. *Belle* здесь часто употребляется как синоним *grand*. Во многих местностях крестьяне переводили *elle est bien coiffée* или *elle est bien cornée*.

Для сравнения приведем некоторые сведения о построении карт «Атласа русских народных говоров». Советские диалектологи, считая диалект самостоятельной реальной языковой единицей, изучают не отдельные, часто случайные черты, а целостные явления (ср. выше построение вопросника). Если в атласе Жильберона частное преобладает над общим, то в русском атласе большое внимание уделяется обобщениям. Каким путем достигаются обобщения? Получая полевой материал, русские диалектологи не наносят на карты все собранные сведения, а сначала обрабатывают, отбирают материал. Случайные записи, возможные ошибки в произношении, иногда единичные заимствованные формы — все это публикуется в обширных комментариях к карте. Непосредственно на карту попадают лишь формы, действительно характерные для данной местности и притом представленные в обобщенном виде. Таким образом, в русском атласе сотрудниками, хорошо знакомыми с материалом, заранее продлевается та сложная работа, которую составители атласа Гардета предоставляют проделать самому читателю. Работа над «Атласом русских народных говоров» упрощается также благодаря тому, что в конце каждого тома будут опубликованы сводные карты изоглоссы, составленные на материале данного тома.

Атлас Гардета представляет собой богатый материал для изучения не только разных сторон лексики, но и некоторых вопросов морфологии и даже синтаксиса. Несмотря на то, что в основном материал по морфологии сосредоточен в конце третьего тома (а вопросами синтаксиса Гардет не считает возможным специально заниматься в лингвистическом атласе)¹, тем не менее кое-что можно извлечь из уже имеющегося материала:

1. Данные по употреблению определенного и неопределенного артикля. В отличие от атласа Жильберона, в рассматриваемом атласе все имена существительные даются с артиклем, что связано с методом опроса: вопрос посвящается слову как таковому, без контекста. Так, в карте 284 *une bouse* встречаем дебиализованные формы артикля *î, ð*, формы с конечным франко-провансальским *-a, -ina*, редуцированные формы *no, na* и др. Аналогичные данные находим и в других картах.

2. Разные формы местоимения 3-го лица. В карте 297 *elle rumine* или 298 *elle beugle* встречаются формы *e* с характерной редукцией *l*, а также форма *o* с не менее характерным для востока Франции огублением или *âl* с изменением *e > a* и др. Встречаются также реликтовые, архаические формы глагола без местоимений; так, в карте 298 *туп_o* «она мычит».

3. Различные окончания форм инфинитива. Карта 223 *se soûler: sola, sylo, sulo, soele* или карта 204 *vendanger: vèdemi, vâdema, vâdemo, vèdamje* и др.

¹ Советские диалектологи в отношении синтаксиса придерживаются других позиций (см. работу И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко «О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы», «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 10, 1956).

4. Образование флексивных форм единственного и множественного числа имен существительных. Карты 263 *un chou; des choux*; 272 *une rave; des raves*; 265 *une pomme de terre; des pommes de terre* и др. В некоторых случаях здесь, как и в литературном французском языке, формы единственного и множественного числа совпадают; но довольно часто наблюдается и флексивное разграничение этих форм, причем единственное число оканчивается на -а, -о, множественное — нулевое [вследствие редукции латинских -i, -e (-ae), как наиболее распространенных показателей множественного числа]. Так, например, в карте 272 *na rova; de rov*, в карте 265 *ina trija; de truf* и многие другие.

5. Данные об употреблении предлога де как оформителя объекта при глаголе-сказуемом. Так, в карте 241 *la sciure* в контексте *je vais scier du bois de chauffage, ça fait de la sciure* зарегистрировано то *la sciure*, то *de la sciure*. Аналогичный материал находим и в ряде других карт.

*

Региональные выпуски «Нового лингвистического атласа» отнюдь не следует рассматривать как атлас, выходящий на смену атласа Жильерона, материалы которого никогда не могут устареть, хотя бы потому, что в этих атласах зарегистрированы диалектные формы разного времени. Новый атлас следует рассматривать как уточнение и значительное пополнение атласа Жильерона благодаря более густой сети опорных пунктов и более продуманному вопроснику.

«Новым лингвистическим атласом», в каждом выпуске которого изучается лишь небольшая часть территории Франции и вследствие густой сети дается очень пестрая картина диалектных форм, пожалуй, даже трудно было бы пользоваться, не имея перед глазами атласа Жильерона, указывающего основные вехи развития диалектов французского языка одновременно по всей территории Франции. Таким образом, можно сказать, что эти атласы преследуют разные цели: один дает общую перспективу диалектного состояния Франции, другой — богатый материал по состоянию одной какой-либо области.

Жильерон, как известно, отрицал существование диалектов как самостоятельных единиц, а соответственно отрицал и возможность установления границ между диалектами. Сейчас, когда мы можем сравнивать данные атласа Жильерона с Новым атласом, мы убеждаемся, что в какой-то мере эта нигилистическая точка зрения Жильерона на диалекты связана с недостаточностью материалов, имеющих в его атласе. Столь редкая сеть опорных пунктов (иногда на один департамент приходится всего 3—4 пункта) и не могла дать до конца правильную картину состояния диалектов Франции. Один из основных упреков, часто бросаемый Жильерону, — неумение обобщать изоглоссы — является следствием несовершенства этих изоглосс.

Новый атлас, в котором в отдельных районах (например, в Валлонии) густота сети более чем в десять раз превышает густоту сети у Жильерона, имеет огромное преимущество перед последним. Региональное построение Нового атласа свидетельствует о первоначальной установке Доза, который исходил при определении территории отдельных атласов не из отдельных форм и слов, а из тех или иных языковых районов. Несмотря на то, что Доза иногда колеблется в своих взглядах на возможность определения диалектов и их границ, тем не менее в основном он стоит на позиции признания диалектов, о чем свидетельствует хотя бы его книга, посвященная диалектам французского и провансальского языков¹.

К. Яберг в интересной статье «Grossräumige und Kleinräumige Sprachatlanten»² раскрыл смысл региональных атласов и убедительно показал, что региональные атласы отнюдь не снижают достоинства атласа Жильерона. Тем не менее он скептически относится к предпринятию Доза, считая его план чуть ли не фантастичным и нереальным с научной точки зрения: региональные атласы (Kleinatlanten) и атласы всего языка (Grossatlanten), по мнению Яберга, принципиально столь отличны, что не могут быть совмещены в одном атласе, как это задумано у Доза в его «Atlas linguistique de la France par régions». И действительно, трудно представить себе идеи и планы Доза до конца осуществленными; однако повинны в этом, нам кажется, не столько различия в характере общих и частных атласов, сколько те колоссальные трудности — как организационные, так и материальные, — с которыми составители неминуемо встретятся в условиях развития науки в капиталистическом обществе³.

М. А. Бородина

¹ A. Dauzat, Les patois, Paris, 1927.

² «Vox Romanica», Bd. XIV, № 1, 1954.

³ Ср. судьбу атласа немецкого языка Венкера-Вредэ (В. М. Жирмунский, О некоторых проблемах лингвистической географии, ВЯ, 1954, № 4, стр. 5).